

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Суркова Ивана Евгеньевича
на тему: «Онтология прп. Максима Исповедника»
по специальности 5.7.2. История философии

Наследие Максима Исповедника в последние два – два с половиной десятилетия становится предметом активного и заинтересованного исследования отечественных ученых, принадлежащих как к светской историко-философской науке, так и к традиции академически-богословских исследований. Постепенно становится ясно, что синтез Максима Исповедника является одним из важнейших, если не решающих этапов формирования средневекового богословия. Этот синтез касается не только патристики: пожалуй, именно в его трудах произошла окончательная аккультурация античных философских концептов и терминов в рамках христианских дискурсов и христианского мирозерцания. Старые философские меха оказались преобразованы, будучи наполнены вином новой веры. Этот процесс – эволюции понятий, дискурсов, обретение ими новой семантики и новых смысловых связей, – происходивший в том числе параллельно со становлением и развитием неоплатонизма, последней великой античной философской школы, которая сама оказалась его актором, и увлекателен, и поучителен, и позволяет прояснить основы позднейшей интеллектуальной культуры на ее формативном этапе. В котором, повторимся, творчество Максима исповедника сыграло важнейшую роль. Говоря о том же самом несколько иным языком, можно утверждать значимость Максима в формировании богословско-философского метаязыка, который становится характерен для последующей византийской культуры, языка синтетического не только в плане сочетания философского и богословского дискурсов (при преобладании, безусловно, последнего), но и апроприировавшего наследие античных философских школ, отдельные концепты которых стали естественными частями его генетического «кода», инструментами богословской аргументации, а не конкурирующими фрагментами враждебных школьных дискурсов.

В связи с этим очевидна актуальность данного исследования: полагаем, что его важное место в современном изучении наследия Максима Исповедника, как и в целом, византийской интеллектуальной культуры несомненно. Актуальность связана также с исследовательской стратегией, избираемой Иваном Евгеньевичем: он пишет именно историко-философскую работу. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что религиозно-богословское содержание представлений Максима невозможно взять за скобки (см., например, обсуждение сотериологических моментов в выработанных Максимом концепциях онтологии приобщения, движения), автор все-таки исследует системность и консистентность представлений Максима Исповедника именно с точки зрения философии. Прямым свидетельством об этом является очевидно сознательный отказ диссертанта от учета исторического, полемического контекста наследия Максима Исповедника: его «положительная» рациональная теология формулировалась в связи с критикой различных вариантов политико-теологических паллиативов, известных нам под названиями моноэнергизма и монофелитства. Иван Евгеньевич не обращается к контекстуализации исторической и полемической рамок формирования учения Максима, скорее он акцентирует внимание на его содержательном итоге. Суждения Максима Исповедника при таком фокусе рассмотрения становятся не реакцией на богословский вызов, но элементами системного мышления, сводящего к единству различные концепты патристического богословия. В этом плане понятно и стремление диссертанта говорить именно об онтологии Максима Исповедника: связность и последовательность триадологических, христологических философско-богословских идей должна быть выражением связной и последовательной онтологии: несмотря на специфику основ для последней, связанную с трансцендентностью истока всего сущего в христианстве, диссертант достаточно успешно реконструирует «картину мира», то есть космологию и онтотеологию Максима Исповедника.

Нужно отметить, что и сам диссертант мыслит систематично, логично и последовательно. Это несомненное достоинство работы, опирающейся на прекрасное знание трудов Максима Исповедника, античной философии, патристической традиции, а также исследовательской литературы, в том числе наиболее современной и актуальной. Диссертация написана ясным

академическим языком, избегающим излишних философических метафор, которые чаще всего указывают на непроясненность для исследователя каких-то сторон изучаемого им предмета. Иван Евгеньевич четко ставит задачи и видит разумные инструменты и ходы для их решения. Трактовки и переводы отдельных терминов античной традиции и Максима Исповедника обосновываются и четко связываются с общей интеллектуальной канвой работы. Положения, вынесенные на защиту, обладают новизной и всей необходимой основательностью. Достоверность и новизна выводов не вызывает сомнений, так же, как и личный вклад автора в работу.

Вместе с тем нужно высказать несколько мыслей, которые являются не критическими замечаниями, но в большей мере касаются расширения историко-философского (и не только философского) контекста формирования воззрений Максима Исповедника.

1. Диссертант подробно рассматривает философский генезис триады сущность-возможность-действительность, ссылаясь в качестве примера преимущественно на трактаты V и VI «Эннеад». Хотелось бы отметить, что в IV (и, частично, III) «Эннеадах», в текстах, связанных с диалектикой бытия души всеобщей – душ частных, можно найти не менее актуальные примеры переинтерпретации Плотиним данной триады из аристотелевского корпуса.

2. В собственно историко-философских исследованиях не всегда обращают внимание на парарелигиозную и парафилософскую составляющую мировоззрения первых веков н.э. В частности, Ипполит Римский сохранил конспект странного трактата, подписанного именем Симона Волхва, но созданного явно во II столетии (*Arophasis Megale*), где присутствует описание эманации огня скрытого, тайного, божественного через своего рода потенцию (ствол плодоносного дерева, который потом сгорает и исчезает) к воплощению (подлинному гнозису в спасенном человеке), которое становится плодом, действительностью и действительностью огня. Не совпадая терминологически с триадой сущность-возможность-действительность, на уровне образно-дискурсивном эта картина в общем показывает, что подобный образ мысли был свойственен не только собственно философскому сознанию Поздней Античности.

3. На с. 57 диссертации говорится о том, что движение Бога можно понимать в гносеологическом смысле: Бог движет ум познающего его

человека. Автор ссылается на Аристотеля как на возможный источник этой идеи. Вероятно, предпосылки данного суждения можно обнаружить еще у Платона. В «Софисте», обсуждая «высшие роды» тот пишет о причастности бытия как высшего рода движению в той мере, в которой оно мыслимо (насколько мыслимый объект может быть назван претерпевающим нечто: см. 248с и далее).

4. Различие между логосами и действиями Бога, обсуждаемое диссертантом на с. 94 (и не только здесь) конечно же может толковаться в рамках аристотелевских дискурсов. Но есть любопытный и довольно известный, изученный пример, говорящей о схожей идее, но в других терминах. Имеем в виду Филона Александрийского и его учение о замысле Бога о мире, идеях, его структурирующих, и силах-потенциях (логосе) как том, что их воплощает.

5. Завершающий раздел диссертации не столь подробен и скрупулезен, как большая ее часть, хотя он посвящен важной теме – онтологической иерархии, апории беспредпосылочного начала и учению о генадах в зрелом и позднем неоплатонизме. Это не удивительно: диссертация и так обширна и конечно не может «объять необъятного». Вместе с тем отмечу, что указанная апория была для неоплатоников (а, в известной мере, и для Максима Исповедника) в аристотелевском духе вполне продуктивна, создав богатое поле для обсуждения природы божественного и формы его манифестации в мире. Возможно, ключевую итоговую роль в теме этой «мистической диалектики» сыграл Дамаский Диадокх, чей текст «О первых началах» безусловно требует дальнейшего исследования как в плане учения о генадах, так и в контексте предпосылок учения Максима Исповедника о приобщении.

Вместе с тем, указанные суждения ни в коей мере не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает всем требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой

степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Сурков Иван Евгеньевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой богословия и церковной истории
института теологии
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Светлов Роман Викторович

06.02.2026